

Золотые подковки (Гатцук)

Служил у одного короля солдат Климов, так, немудрящий солдатишка, — полковую конюшню чистил, только на то его и хватало. Вот, раз вечером наказывает Климову фельдфебель: «Полковницкий денщик говорил, что собирается завтра до света в конюшню зайти, чистоту посмотреть. Так ты, Климов, за ночь, гляди, все чисто прибери; а то, если что, — беда тебе будет!»

Взял Климов метлу с лопатой и давай прибирать в конюшне. К полуночи сморил его сон, прилег он в пустом стойле на сено и задремал. Только, недолго проспавши, проснулся он и слышит: писк, топот, возня по конюшне идет, точно ребятишек туда целая орава забралась. Выглянул Климов потихоньку — от фонаря-то в конюшне видно, — смотрит: чертенят видимо-невидимо, да все маленькие: так-то по конюшне в чехарду играют, возятся, дерутся... Известно, ребятишки: надоело, стало быть, в преисподней все у старшего, у Дедушки Лысого, на глазах сидеть, слушать, как он ворчит да ругается. Смотрел на них Климов, смотрел — и смешно, и занятно!.. Вдруг один чертенок как прыгнет, точно кузнечик, да прямо около него в сено. Тут его Климов и сцапал за хвост: «А, — говорит, — попался! Теперь не выпущу». Прочие чертенята вмиг сгнули, а этот давай солдата просить-молить: «Дяденька, родимый, отпусти. Никогда не буду!» «Нет, — говорит Климов, — постой-погоди: вот как закрепшу я тебя, тогда и вправду не будешь. Эх, говорил я фельдфебелю, чтоб козла в конюшне завести; а то, сделай милость, какая пакость завелась!.. Ну, рассказывай: зачем сюда забрались?» «Поиграть, дяденька; нас Дедушка Лысый отпустил, потому — мы сегодня в первый раз подковки надели, праздник у нас». Повернул Климов чертенка вверх ногами, поглядел: и вправду у него копытца золотыми подковками подкованы. «Это что ж у вас подковки значут, — спрашивает, — чин что ли какой?» «Нет, — говорит чертенок, — мы еще маленькие, без чинов. А подковки нам подбивают, чтоб мы могли людей морочить: в подковках вся сила». «Вот ты какой: мразь этакая, а уж морочить можешь! Нет, нельзя тебя отпустить!» Взмолился чертенок, плачет, лапки к Климову тянет. «Дяденька, голубчик, не губи, отпусти! Мамка по мне с горя изведется». — «Стало быть, у тебя и мать есть?» — «Есть, дяденька. Вдова она, а у нее я один только». — «Ах ты, скажите на милость! Тоже мать у него, у пакости этакой, есть! Ну ладно: отпустить, я тебя отпущу; только сниму с тебя твои подковки, чтоб ты людей смущать не мог». Все плачет чертенок: «Ох, дяденька, без подковок беда мне к Дедушке и на глаза показаться — драть будет... Да и тебе эти подковки опасные: если заморочишь кого до смерти или на смертный грех морокой

наведешь — тут же мы тебя в преисподнюю утащим». «Ладно, — говорит Климов, — рассказывай! Зачем до смерти морочить. Я только для того глаза отводить буду, чтоб себе получше сделать». Взял клещи, оторвал у чертенка подковки, подрал его за вихор, чтоб не баловался, и выпустил. Как юркнет чертенок под пол, точно крыса!

«Любопытно, должно быть, — думает Климов, — людей морочить. Надо сейчас попробовать с фельдфебелем шутку сыграть. Коли не удастся, ну побьет, не первый снег уж мне на голову...» Взял натаскал грязи и навозу со двора, раскидал в конюшне; всюду гадость, срам такой наделал — смотреть тошно. Только управился — бежит фельдфебель; оглянулся кругом: «А, — говорит, — поспел убраться! Кажись, все чисто. Сейчас полковник будет». Вошел полковник, сердитый-пресердитый — всю ночь в карты играл, проигрался: хочется на ком-нибудь злобу сорвать. Вошел и давай по конюшне ходить, все осматривать; всюду излазил, по всему белой перчаткой водит да на все смотрит: не запачкался ли. Вымазался весь безобразно; перчатка мокрая, чернее грязи, а он все дует, точно пылинка к ней пристала. «Ничего, — говорит, — чисто ты, Климов, конюшню держишь... Спасибо! Что это ты, никак пол натираешь здесь?» А сам по щиколотку в навозной куче стоит. Вынул из кармана целковый, дал Климову и хочет уходить. Климов видит, что полковник сдобрился — напустил на себя смелость и говорит: «Ваше высокородие, дозвоьте доложить». «Ну, что тебе?» — «Разрешите мне в отпуск на родину сходить: три года родных не видал». «Можно, — говорит полковник, — возьми завтра в канцелярии отпускной билет на месяц. Скажи, что я приказал тебе выдать. Это тебе за старанье».

Даже стыдно Климову своей удачи стало. Вычистил он к утру конюшню и вправду начисто — чтоб другого не подвести, — выправил себе отпуск и пошел на родину. Была она от того города недалеко — всего дня два ходу.

К вечеру пришел он в одно село и просится ночевать у богатого мужика. А мужик был с норовом: любил чтоб ему любопытное что рассказывали на ночь. «Ладно, — говорит солдату, — ночуй, только с уговором: рассказывай мне, пока не засну». Легли они с мужиком на полатах. Уж Климов ему сказывал-сказывал: и был, и небылицы — все не спит мужик. «Постой, — думает солдат, — заморочу-ка его... Хозяин, а хозяин, — говорит, — знаешь, кто с тобой лежит?» «Кто? Вестимо, солдат». — «Нет, брат, не догадался: пощупай-ка». Ухватил его мужик рукой — как есть волк! Испугался на смерть. «Да ты не бойся, — говорит Климов, — посмотри на себя: ведь и ты медведем стал». Ощупал себя мужик кругом — и вправду, медведь! «Вот что, кум, — говорит Климов, — нам с тобой, медведю да волку, здесь опасно. Побежим в

лес». Побежали. Попадается им по дороге мужикова лошадь. «Давай, съедим лошадь», — говорит волк. «Что ты, ведь это моя!» — «Ну, была твоя, когда ты человеком был; а теперь волку да медведю на зубы попалась». Съели они лошадь, бегут дальше. Увидали мужикову жену-старуху. «Давай старуху съедим», — говорит волк. «Ой, что ты: ведь это моя старуха!» — «Какая твоя! Коли попалась нам, волку да медведю, значит наша». Съели и старуху... Так-то волк с медведем целое лето пробегали. Настает зима. «Давай, — говорит волк, — ляжем в берлогу: ты полезай дальше, а я наперед лягу. Придут охотники, убьют меня. Ты не зевай: как меня вытащат, ты из берлоги скачи и переметнись через меня — обернешься опять человеком». Лежат они, лежат; набрели на берлогу охотники. Сейчас волка убили, вытащили... Как выскочит медведь из берлоги да кувырк через волка — и полетел мужик с полатей вниз головой. Лежит на полу: «Ой, — вопит, — всю спину отбил, все печенки отшиб!» — «Чего ты с полатей-то сверзился?» — спрашивает Климов. «Да ты разве жив? Ведь тебя же, волка, охотники-то убили!» — «Эка, пригрезилось тебе! Только сон мне перебил...»

Доспал солдат у мужика ночь, а на другой день, к вечеру, и до своего села добрался. Повидался с женой, родителям поклонился и пошел по родным в гости. Приходит в один дом — а там свадьбу на завтра готовят. «Помогай Бог хорошему делу, — говорит Климов. — Только что это вы веселье готовите, а сами будто невеселы?» «Да какая радость, — говорит хозяин, — вот сейчас надо ехать, колдуну пятьдесят рублей везти, а то, проклятый, завтра всю свадьбу испортит». «Стой, дядя, не давай ему ничего! Я солдат, человек бывалый: против его хитростей у меня своих вдвое больше. Не бойся: не выдам».

Наутро поехал и Климов в свадебном поезде. Вдруг посреди улицы несется навстречу поезду черный бык, совсем бешеный: так рогами во все стороны и бьет. Поезжане насмерть перепугались, а Климов и глазом не повел: откуда ни возмись — выскочила из-под его саней собака, бросилась на быка... Бык повернул — да в лес; собака за ним — и скрылись оба... Едут дальше. Глядь: заяц через дорогу перебежал у лошадей под самыми ногами. Стали лошади, храпят, ни с места. «Ох, худая примета!» — говорят поезжане. А за зайцем, откуда ни взялась, выскочила лиса, поймала зайца за уши и давай его по его же следам таскать, им же его след замечать. Замела и утащила зайца в лес — тотчас поезд легко сдвинулся. Приехали к церкви, обвенчали жениха с невестой и только что назад к дому подъезжают — глядь: а на воротах ворон черный сидит; сидит и каркает... Лошади, как вкопанные, стали, храпят, пятятся. Поезжане перепугались вовсе: «Ой, — говорят, — хуже этой приметы и не бывает!» Вдруг откуда ни возмись, взвился ясный сокол; налетел на

ворона и давай его бить — так перья и сыпятся. Снялся ворон, полетел к лесу, сокол за ним — все бьет его — и скрылись оба...

Вот посадили молодых за стол, родные сели, все по порядку. Стали есть, пить, веселиться... Вдруг сам колдун жалуется: шапки не ломает, образам не молится, честной беседе не кланяется — прямо к солдату: «Ты кто таков? Почто не в свое дело суешься?» Климов сидит, глазом не моргнет, на колдуна смотрит: «Я-то, — говорит, — здешний, солдат Климов. Знать у тебя глаз выскочил, что не видишь!» Только сказал — раз — у колдуна правый глаз выскочил. Климов его сейчас подхватил и в карман спрятал. Трет себе колдун пустое место, где глаз был. «Ну, — говорит, — не балуй, служивый: давай глаз-то». «Хорош и с одним будешь. А то и другой выскочит, коли не покажешь мне сейчас: в чем твоя сила». Колдун видит: дело плохо — надо хоть последний глаз сберечь. Только было повернулся, чтоб уходить, раз — и последний глаз выскочил! Что тут делать?.. Вынул колдун из кармана золотую подковку: «Вот, — говорит, — чем я действую: в болоте нашел». — «Эх ты, дурень старый! — говорит ему Климов. — Куда тебе со мной тягаться: у меня две таких-то, и сам я их у чертенка с копытец отодрал. Подавай сюда мне твою находку! Наше дело солдатское: прикажут, так со всякой нечистью путаться будешь, а ты — мирской человек, между православными живешь». Отобрал у колдуна подковку, вставил ему на место глаза и вытолкнул его вон.

Уж как хозяева обрадовались! Не знают, где Климова посадить, чем угостить. Накормили его досыта, напоили допьяна и домой с почетом отвезли.

Хорошо зажил Климов в деревне: везде ему почет, уважение; везде он первый гость... А чуть что не по нем — сейчас над виноватым, смотришь, и шутку сыграет.

Раз пришел он к своему свату — скупой-прескупой мужик был — и просит: «Угости-ка винцом, сватушка; после вчерашнего, с похмелья, голова болит». «Ишь, какой выискался! — говорит сват. — Что у меня кабак, что ли, про тебя припасен? Проваливай, брат, по здорову». Выглянул Климов в окошко: «Ах, батюшки, — кричит, — воды-то что на улице: совсем все село затопила!» Как хлынет вода в избу... Оробели хозяева — прыгнули на лавку, а вода за ними; на полати влезли — и туда вода подступает. «Что, испугались? — говорит Климов. — Ничего, это я не во вред вам воды напустил, а для уток: сейчас сюда две диких прилетят, вот мне и закуска будет; вино-то, признаться, у меня с собой есть». И точно, откуда ни возмись, прилетела пара уток; плавают, ныряют около самых полатей. «Хватай их, — говорит Климов хозяину, — да руби им головы топором». Климов отворил дверь, воду мигом выпустил, а потом обернулся к свату и говорит: «Ну, давай уток жарить будем». Оглянулся сват

— а вместо уток теплые сапоги без головок: головки-то он им вместо утиных голов сам отрубил...

Тоже над старухой над одной Климов подшутил. Собралась она старика своего помянуть: на блины опару поставила, гостей скликала, а Климова-то не позвала. Вот, только что изладилась старуха блины печь, он подошел к окну и говорит: «Всем окно, а хозяйке пусть печь будет!» Давай старуха тесто ложкой в окно выливать — думает, что печь. Все тесто на землю вылила, нечем было гостей попотчевать...

Так-то, хоть большой беды никому Климов не делал, а все-таки, кто знал про его мастерство, поопасывались его, ублажали всячески, чтоб шутки какой не сшутил.

По понеделеньникам у них в селе торг был. Вышел Климов утром на площадь; сейчас знакомые повели его в трактир, угостили. Выходит он из трактира навеселе. «Смотри, — кричит, — народ православный, как я сейчас сквозь колоду пролезу!» А на площади толстая-претолстая колода валялась. Собрался народ, дивуется: лезет Климов сквозь колоду, точно она из мягкого снега... А тут мужичок один из чужой деревни с возом сена проезжал. Подошел он поглядеть, смотрит: солдат через колоду перелезает, а народ ахает, что он сквозь нее лезет. Приехал-то мужик позднее, вот у него глаза и не были заморочены. Он и закричи: «Обманивает вас солдат, православные, глаза отводит! Не сквозь колоду, а через нее он лезет!» Обидно показалось Климову, что поймал его мужик. Встал он и говорит: «Эх, дядя, далеко ты видишь, а что под носом у тебя — то тебе невдомек. Гляди-ка, сено-то твое как полыхает!» Оглянулся мужик. Батюшки! Горит его сено на возу, так пламя по нем и бегаёт! Давай он сено с воза раскидывать да ногами топтать. А Климов подошел, смотрит: Выручай, — говорит, — хоть лошадь-то, дядя! Гляди: оглобли уж горят". Мужик за топор: ну оглобли рубить. Отрубил, лошадь убежала. «Ой, армяк на тебе загорелся, шапка горит!» — кричит Климов. Сорвал мужик с себя кафтан и шапку, кинул в грязь и давай топтать... Тут Климов повернулся и ушел. Оглядывается мужик: что за притча? Сено раскидано, оглобли обрублены, лошадь убежала, шапка с кафтаном в грязь втоптаны, а ни на чем и виду огня нет... Даже заплакал мужик от обиды, как узнал, что это Климов над ним так подшутил.

Кончился Климову отпуск, и пошел он назад в город на службу. Уходил домой — смирный, тихий солдатик был; а вернулся таким лихачом, просто не узнаешь. Привык чертенковыми подковками орудовать: всех морочит, всем глаза отводит. Начальство говорит: «Вот солдат исправный, вот

старательный!» В ефрейторы его произвели, а он, знай, по трактирам гуляет, пьян всегда...

И повадился он ходить в один трактир. Придет, сейчас самой лучшей еды, напитков что ни есть первых себе спросит. Напьет-наест на много, вынет из кармана горсть золотых, платит и сдачи не берет: «Половым на чай!» Трактирщик диву дается: откуда у солдата такие деньги. «Не обокрал ли, — думает, — казну? Жалованье-то их, солдат, известное: три денежки в день — куда хочешь, туда и день. Попадешь с ним еще в беду...» Собрался, и пошел к главному в том городе генералу: «Так и так, ваше превосходительство: вот какое дело!..» Сейчас генерал приказал городовым взять Климова из трактира и к нему привести. Привели. «Откуда ты, братец, деньги берешь? Вот господин купец говорит, что ты кутишь и много золота тратишь». — «Никак нет, ваше превосходительство, вовсе я золота не трачу и отроду его у меня не было». «Принеси-ка, господин купец, твою выручку сюда; не фальшивое ли золото», — говорит генерал. Съездил трактирщик домой, захватил свой сундучок и привозит к генералу. Открыли сундучок, а там, в отдельном ящичке, куда купец солдатovy деньги особо складывал, куча черепков лежит... Так и взвыл трактирщик. «Все, — кричит, — половые видели, что он золотом платил!» Позвали половых, те утверждают: «Золотом платил, и много у нас в трактире денег оставил: не одну тысячу». А Климов стоит, смотрит на генерала смело: «Это, — говорит, — уже не моя вина, что мои черепки им золотом казались». Как рассердится генерал, как закричит: «Ах ты, мошенник, разбойник ты этакий! Да за такую штуку ты в тюрьме сгниешь!..» «Ваше превосходительство, — говорит Климов, — не до того теперь! Смотрите: нам смерть приходит...» Оглянулся генерал: так и хлещет вода в двери и в окна... Генерал вскочил на стол, Климов — на другой; а вода все прибывает: уж по грудь их залила. «Плывите, ваше превосходительство, к печке за мной; может, через трубу на крышу выберемся». Кое-как выбрались они на крышу, забрались на трубу, сидят. Кругом них море без конца, без края, все: и город, и вся сторона, сколько глазом окинуть, затоплены. Генерал сидит, плачет: «Пропал, — говорит, — я!» Вдруг плывет мимо них лодка пустая; толкнулась об трубу, Климов ее и поймал. «Садитесь, — говорит, — поплывем; а то здесь все равно с голоду помирать придется». Сели, поплыли. Плыли-плыли — день плывут, другой, на третий кругом сухо стало...

Забрались это они в неведомое царство; народ чужой; денег нет — как тут быть? Климов говорит: «Надо в работники наняться». А генерал ему: «Да, хорошо тебе, братец, ты к работе привычен. А я — генерал, простой работы не знаю». «Ничего, я такую работу найду, что и уменя не надо». Пошли они в деревню и нанялись стадо пасти: солдат пошел пастухом, а генерал —

поднаском. Целое лето пасли; к зиме получили расчет и стали делиться... Климов деньги пополам разделил: сколько генералу, столько и себе; а генерал обижается: «Как смеешь меня с собой ровнять!» «И то правда, — говорит солдат: — я пастухом был, а вы только поднаском; значит, натрое разделим: две доли мне, а вам одну». Давай генерал спорить и ругаться. Ругались-ругались, подрались. Климов побил генерала, все деньги себе забрал и ушел.

Остался генерал на чужой стороне один, без денег, голодный. Кое-как добрался до города; попадаетеся ему на площади торговка — мясо вареное с лотков продает. «Тетенька, — говорит генерал, — возьми меня в работники за хлеб хоть. Я не здешний, с голоду пропадаю. Буду тебе со всех сил работать: лотки за тобой носить».

Взяла его торговка. Он идет за нею, лотки с говядиной несет, и такой его голод забрал, что стянул он с лотка телячью ногу и давай ее, походя, грызть. Вдруг, смотрит, кругом него народ — толпятся, уставились на него... «Что ты ешь?» — спрашивают. «Ногу телячью», — отвечает генерал. «Какую телячью? Человечью руку ты грызешь!»

Взглянул он свою еду — и впрямь человечья рука...

Тут его сейчас схватили, локти назад и повели в суд: «Так и так! Вот чужестранный человек — людоед. Разве по закону можно человечье мясо есть?» «Нельзя! — говорят судьи. — Казнить его, голову ему отрубить!» Привели генерала на площадь, на плаху положили, взял палач топор, размахнулся... Как вскрикнет генерал от страха:

«Ой!...» А купец-трактирщик его спрашивает: «Что, ваше превосходительство, вскрикнуть изволили, или заболело что?..»

Оглянулся генерал, вздохнул. Смотрит: он в своей комнате, где он просителей принимал; перед ним трактирщик с половыми и Климов-солдат стоят. Взглянул на часы: и полминуты не прошло с тех пор, как он солдата в тюрьму посадить грозился... Наваждение!

«А, так вот ты гусь какой! — говорит он Климову. — Ступай, купец, домой; ящик с черепками мне оставь; я твое дело разберу. А этого мошенника взять сейчас под караул, в кутузку его запереть!» Подхватили городовые Климова и заперли. Климов идет — горя ему мало: «Когда нужно будет, — думает, — уйду. Долго ли сторожам глаза отвести!»

Сейчас генерал собрался, надел парадный мундир, подцепил все ордена и поехал к королю. А король у них был Аггей — старый старик и до денег очень

жадный. «Так и так, ваше величество! — докладывает ему генерал. — Вот какой у нас человек объявился». — И рассказал королю про Климова все. Король Аггей слушал-слушал, а понял только, что солдат из черепков золото делает.

«Ну что ж, — говорит генералу, — приведи ко мне этого солдата: он человек нужный». Вот тебе раз! Поехал генерал, привез нужного человека. И говорит Климову король Аггей. «Правда ли, служивый, что ты, из чего хочешь, золото можешь делать?» А Климов, посидевши в кутузке с ворами и мошенниками да послушавши их разговоров, уж вовсе осмелился: «Точно так, ваше королевское величество, могу». Сейчас приказал король принести ему медных копеек на сто рублей. Принесли копейки, высыпали на стол — целая груда: десять тысяч копеек. «Вот медь, — говорит король, — сделай-ка золото из нее». А Климов ему: «Может, — говорит, — в другом месте и медь, а здесь все чистое золото». Глянул король на стол... Батюшки! И впрямь, груда золотых лежит! Придворные подошли, позвали золотых дел мастера — верно: на пятьдесят тысяч рублей чистого золота из ста целковых меди сделалось.

Так это королю Аггею понравилось — сказать нельзя. Приказал он свозить со всего своего королевства во дворец медные деньги. Привезут, свалят в королевском дворце, глядь: а вся медь золотом стала. Король сидит, золотые считает, генералам-сенаторам жалованье отдает, министрам на расходы отпускает — все этим золотом. Чего выгоднее! Только одна беда: принесут министры королевское золото домой, глядь: а вместо золотых — медные копейки. Стали генералы и сенаторы к королю ходить, жаловаться; а король: «Вы что от меня, — спрашивает, — получили?» «Золото». — «Ну я не виноват, что у дураков золото медью идет». И прогонит их... Дальше все хуже пошло: без жалованья генералы и сенаторы в долги вошли, потом и верить им купцы перестали — приходится хоть по миру идти... Министры солдат не кормят; жалованья не платят; пошло воровство, разбои...

Собрались министры, генералы и сенаторы на совет: как быть, чем горю пособить? «Вся беда, — говорят, — от этого солдатишки, от Климова; надо его как-никак извести». И придумали штуку.

А Климов, как попал к королю в милость, так о себе возмечтал, будто на него и закона нет: гуляет, пьянствует по всем трактирам, нигде денег не платит, дебоширит, дерется, всех обижает. Совсем с круга сбился, осатанел вовсе от пьянства... Вот, только раз, лежит он пьяный на улице; вдруг налетели со всех сторон городовые, забрали его, друга милого, вкинули в телегу, туда ж курьер вскочил — и помчали его во весь дух к границе королевства. Приехали; курьер его вывалил за границу, в канаву, а сам во всех селах и деревнях, от границы

на сто верст, приказы прилепил, чтоб никто не смел Климову ни ночлега, ни хлеба корки давать — а то в тюрьму! Как отоспался Климов, вылез из канавы — известно: промок, продрог, голова болит — и пошел в ближайшую деревню. Оттуда его — в шею. Он в другую — там еще хуже пришлось: мужики до околицы его не допустили, в колья приняли — насилу ушел... Узнал он о приказе, видит, дело плохо!

Что тут делать? Перелез он опять через канаву в чужое королевство и пошел, куда глаза глядят. Шел, шел, добрался кое-как до столичного города и нанялся у одного тамошнего генерала в лакеи. Был тот генерал хоть и старый, но ужасно какой горячий и на руку скорый: чуть что не по нем — сейчас весь, точно клещ, кровью нальется — и бить! Чем ни попадя дрался, без всякого милосердия. Но Климов и его скоро образовал: так его обморочил, что он всем знакомым хвастается, какого он себе иностранного лакея нанял: «Чистота, — говорит, — у меня в квартире: аккуратность, пылинки нигде нет». Гости придут к нему — дивятся: «Ах, как чисто-хорошо!» А Климов ни за щетку, ни за тряпку и не брался: только глаза отводил. Вправду-то, такая грязь-гадость в генеральской квартире, хуже, чем в свинарнике.

У того генерала другой прислугой, вместо рассыльного, был денщик, из полка солдат. Смирный такой, тихий, богобоязненный солдатик. И у него Климов глаза отвел, и он чистоту видит, только дивится: никто не убирает, а чисто. Тоже чудно ему: день и ночь Климов в трактире пьяный сидит, а придет перед генерала — точно вина и не нюхал. Вот раз он Климову все это и высказал: «Смотри, — говорит, — не колдун ли ты какой?» А Климов — от питья злой, обидно ему, что солдатик догадывается, — плюнул ему в глаза и ушел опять в трактир. Сидит, водку пьет, еще больше в себе злость дразнит. «Ишь ты, — думает, — тля этакая, а тоже чего-то догадывается! Ну ладно, я тебе покажу: в чем тут дело. Нынче ночью, как генерал придет из гостей, пусть-ка все как есть в квартире увидит».

Пришел ночью домой генерал, сердитый: вошел в квартиру... Что ж это такое?! Грязь, гадость, везде пыль, беспорядок: на полу налито, напакощено, сор чуть не по колено... «Это что такое? — кричит на денщика: он ему дверь отпирал. — Ты у меня здесь приятелей своих, видно, угощал!..» Как схватил генерал со стола подсвечник медный, да как урежет солдатика в висок — тот и не вздохнул, свалился и душу Богу отдал.

В то самое время сидел Климов в трактире. Вдруг зашумело, завизжало; сразу тьма густая в трактире стала; серный тяжкий дух пошел... Что такое?! Разошлась тьма, смотрят: а на том месте, где Климов сидел, только кучка золы курится... Так и пропал он.

Прошлой зимой пришел я раз из города домой. Смотрю: сидит у меня мужик Тихон, говорит, что он за свою добродетель из преисподней спихан. Будто, они с солдатом Климовым там душа в душу жили, вместе у Дедушки Лысого в работниках служили.

Тут рассказал он мне историю про Золотые Подковки, взял у меня займы три рублевки, шапку да полушубок новые, да сапоги козловые.

«Не бойся, — говорит, — свет! Как в моей сказке ни слова неправды нет, так то верно, что отдам я тебе долг — после дождика в четверг, примерно».

Сколько после того четвергов было, сколько дождей пролило. Вот уж второй год к концу идет — чего это Тихон мне долг не несет?